

Потому и изображает Силакову столь карикатурно-нестественно — накачивается раздражение и душит злость от собственного бессилия: «Ясное дело, только крепким узлом и можно было сдерживать силы в чугунных цилиндрах грудей с ввинченными в середку трехдюймовыми гайками. Те гайки, поди-ка, не раз и не два отвинчивали передовые сельские механизаторы, но даже резьбу сорвать не осилились, не укротили мощь могучего, все горячее распалляющегося перед бегом механизма. — Й-и-ех, глистогоны-интеллигенты! — рывкнула девка... Грудь у девки закултыхалась, зад завращался тракторным маховиком, ноги, обутые в кеды сорок второго размера, делали саженные хватки...» Грустно читать такое. Тут в каждом слове — уже не горькая безжалостность вовсе, а удивительная бесчеловечность.

Действительно, мужество без обиняков прямо в глаза резать правду-матку многого стоит. Только выстроить цепь даже самых уязвляющих реальных случаев — это еще не вся правда. Пытаюсь определить: почему немало досадующих на произведение и в лагере сторонников Астафьева? И прихожу к выводу: «Печальный детектив», если исходить из привязанности к правде, не что иное, как правда фактов. Но не правда жизни. Жизнь все же шире, многогранней любого множества фактов. Пораженный болезнью участок тела, каким бы обширным он ни был, еще не весь человеческий организм. Скальпель, само собой, необходимый в определенных ситуациях инструмент, и все же считается: врачевать надо не болезнь, а человека.

Но пора подвести итоги. В. Астафьев увидел то, что многие из нас и по сию пору замечать не хотят. Увидел, понял надвигающуюся общую беду и ударил в тревожный колокол... Так как, будем рассуждать, что колокол мол. с щербинкой, и пенять, что оторвал он нас от важных личных дел?

С ПОЗИЦИЙ КАКОЙ КУЛЬТУРЫ?

Сравнительно недавно, обратившись к истории русской северной деревни, В. Белов создал книгу «Лад». Критика сочла взгляды писателя патриархальными. В романе «Все впереди» писатель, можно сказать, внял советам литератур-

ших указчиков. Впервые его роман не о селе — о стольном граде Москве.

Но читают столичные критики роман — и не узнают Москву. А заодно и самого В. Белова. Каждый тоскливо признается: «Трудно узнать тут Белова...» (О. Кучкина); «...да В. Белов ли это?..» (П. Ульяшов); «Да им ли это написано?» (В. Лакшин); «Если бы кто-то закрыл от меня фамилию автора, стоящую над заголовком, я бы не поверил, что это Белов» (И. Золотусский). Как бы то ни было, действие «Всё впереди» происходит в Москве. Давайте о ней и поговорим. Но сначала выслушаем В. Лакшина: «Что и говорить, у Москвы, как у всякого большого города, множество проблем. И я, родившийся и всю жизнь проживший там, где «копошится» Бульварное кольцо, знаю все ее неудобства, тяготы многолюдья, шума, уличной гари. Мы много нагрели и перед прошлым матушки-столицы. И все же я люблю этот город, быть может, внезаумной любовью, как любит Белов свою вымирающую Тимонику...»

Признание критика в любви к Москве призвано еще сильнее подчеркнуть меру неприятия Москвы В. Беловым, для которого, мол, даже «улицы исторического центра — Петровка, Разгуляй, Арбат — это пустые знаки без смысла, без обаяния, без истории». Но тут, по-моему, В. Лакшин несколько переусердствовал, по крайней мере с Арбатом.

Мне было 20 лет, когда на моих глазах, как, впрочем, и всех москвичей, старая, узкая, извилистая улица стала «Новым Арбатом». Я хорошо помню, как на левой стороне проспекта должны были подняться пять 25-этажных супермодерновых домов, каждый в форме громадной раскрытой книги, — этакое пятикнижие, которому суждено было стать визитной карточкой Москвы, вручаемой гостям столицы. То было время, когда молодежь увлеченно распевала модную песенку Б. Окуджавы: «Ах, Арбат, мой Арбат, ты — моя религия...» Здание ресторана «Прага» все же отстояли — потому сегодня здесь высятся лишь четыре дома прогрессивной каркасно-панельной конструкции — непременно «персонажи» каждой киноленты о Москве. Старожилы за эти годы с панорамой проспекта Калининна, видимо, свыклись. И для пных молодых он и вообще стал местом, где можно прошвырнуться, ткнуться в кино, поглазеть па бриллиантовое кольцо с ценником, с манящей пятизначной цифрой.

Мне было 40 лет, когда старый Арбат стал умирительно современной пешеходной зоной, своеобразной моделью других плашируемых по Москве подобных уголков. «Офонаревшая», по едкому замечанию коренных москвичей, зона сохранила прежнее название, по обе ее стороны неизменными остались те же дома. Неуловимо изменился, нет, не облик, дух улицы, и... не осталось старого Арбата. Все течет — все изменится. Новые поколения москвичей, надо думать, со временем привыкнут к повому старому Арбату, как некогда свыклись с изменившимся Калининским проспектом.

Пройдет еще 20 лет. Калининский проспект — один из тысяч стрит, авеню городов мира — все так же будет соединять Садовое кольцо с Арбатской площадью, которая уже сегодня обыкновенная транспортная развязка. Жители и гости столицы к тому времени напрочь забудут прежний Арбат, как ушли в предание для многих Большая Никитская и Тверская улицы, Охотный ряд, Ильинские ворота, Театральная и Сухаревская площади. Больше того, возжелай даже восстановить какое из прежних названий, начнется шум наподобие того, что случился при переименовании «Лермонтовской» в «Красные ворота». Подросли, оказывается, поколения, которым дороги не «Красные ворота», а «Лермонтовская». Они с ней росли, сжились.

Я допускаю, что и через 20 и 30 лет на карте Москвы сохранится название «Арбат». Вопрос: какой это будет Арбат? Уголок столицы, знаваемый и нашими отцами, и нашими дедами-прадедами, или средневропейская штрассе — пустой для русского человека знак без смысла, без обаяния, без истории? Задумаешься, и впору запеть: «Эх, Арбат, наш Арбат — только и название...» Но сколько же можно не замечать всего этого!

В. Лакшину правится город со всеми его неудобствами, тяготами многолюдья, шумом, уличной гарью? Его право. И мне дорога Москва. Но мудро понять, как можно симпатизировать шуму, гари, столпотворению! А главное, не могу я принять неотвратимость и неизбежность всех этих и других неудобств. У Лакшина, я бы сказал, любовь к Москве странно безысходная, любовь вообще — что есть, что осталось, то и люблю.

А вот любовь В. Белова другая. Он четко отдает себе отчет в том, что любви недостойно — хоть в столице, хоть

в каком ином городе и даже селе. Его натура не приемлет, когда на родной земле, в ее столице можно не жить, не трудиться, не дружить и любить, а «притворяться» и «делать вид».

Не скрывая изумления, В. Лакшин восклицает: да он же «воинствующий архаист», и, апеллируя к правде, заботливо обличает: «Объектом пламенного, «аввакумовского» негодования или прони героев Белова становятся московские экстрасенсы, вьетнамская мазь, породистые собаки, масоны, лесбиянки, гипнотизеры, компьютеры, кибернетические программы, патологоанатомические вскрытия, развлекательные программы телевидения, виски «Белая лошадь», духи фирмы «Нина Ричи», рок-н-ролл, романы Юлиана Семенова, книга «Аз и Я», ислам, иудаизм, гегельянство, диссидентство, лимитчики, экскурсоводы, стриптизы...»

А чуть раньше О. Кучкина, сочувствуя «непосвященному читателю», раскрывала ему глаза на то, что писатель видит зло в «эробике и «сексуальных обозревателях» молодежных газет, в «раздвоенных», в технологии приготовления наркотиков, которую, «ругая западных наркоманов», сообщают журналисты, и т. д.

Заслушав показания «свидетелей» и в соответствии с «духом времени» («нет, тут уж надобно сказать правду»), П. Уляшов, облаченный в мантию прокурора, в своей речи вновь привлек внимание читателей к избыточному скепсису писателя и потребовал для него... прошу прощения, заключил: «Роман «Всё впереди»... проникнут пафосом отрицания прогресса вообще».

Отрицать прогресс, право слово, смешно. Только куда смешнее выдавать за прогресс наркотики, стриптиз, экстрасенсов, лимитчиков, лесбиянок и т. п.

Думая о героях В. Белова, я меньше всего обращаю внимание на то, что они москвичи. И Медведев, и Иванов — нормальные люди, каких немало и в городах, удаленных от столицы многими тысячами километров. Можно встретить уверения, что в характерах обоих героев интуитивно узнается то русское, что есть в народе: душевная чистота, мужественность, высоко нравственность, интеллигентность и ранимость. Достоинства Медведева и Иванова не вызывали бы возражений, если бы в этих образах действительно заключалось лучшее, что несло время.

Не стану ни приводить авторитетные доводы сторонников двух родственно близких людей, ни рассматривать сложную цепочку их взаимных связей с героем В. Астафьева. Сошлюсь лишь на высказывания самих авторов романов. Вот В. Астафьев считает: «Мы живем среди людей, как в крашеном доме, — сколько ни пишут «Осторожно — окрашено», все равно где-нибудь да мазнешься... Не делал я Сошнина ни выпивохой, ни бабником, но не делал и конфетным. Есть и эгоизм, и чувство усталости, раздражения, даже некоей жестокости — жестокости на жестокость». И у В. Белова, как ни горько, Медведев на почве личной драмы запиывает по-черному, а Иванов, тот спивается по-ученому, вроде бы ставя на себе опыты.

Как, почему спивались эти десятилетия многие русские люди, чем обернулось это для нации, государства — тема особая. Я лишь о том, что реакция беловских героев не есть нечто из ряда вон выходящее. Но прискорбную «традицию» запивать по всякому случаю к лучшим чертам россиян отнести не хочу и не могу.

В мою задачу не входит объяснять Н. Ивановой беловскую интонацию по поводу того, что «незаметно для москвичей понемногу исчезали в столице бани и бублики; фапта и пепси-кола усердно соревновались с другими напитками». Но не могу не сказать, что до сих пор к лучшим дням детства я отношу те, когда мы с дедом отправлялись в зоопарк или ЦПКиО имени Горького и, нагулявшись там, непременно покупали горячие бублики.

Вы думаете, я не понимаю, что бублики — сущая мелочь, не стоящая внимания среди проблем, куда более существенных? Прекрасно понимаю. Тогда зачем В. Белов так убивается по ним, а вслед и я «пускаю слезу» о том, что не стоит и выеденного яйца? Помните, П. Ульяшов говорил о своей приверженности прогрессу? Не знаю, верный или ошибочный смысл вкладывал он в это слово. Но вправе предположить, что в конечном счете речь оп вел о явлении более конкретном — о новом индустриально-городском укладе.

То, что патриархальный, деревенский уклад становится достоянием истории, — очевидно. И что соответствующие укладу сознание, отношения, обычаи умирают, растворяются во времени — тоже представить можно. Философское, социальное содержание процесса объяснений не требует. Тут

мы все мастера на словеса. Я же хочу понять, что попроще: почему бублики исчезли? Они какое отношение к прежнему укладу имеют? Нет, иногда их днем с огнем сыскать можно. Сухие, плотные — называются «Украинские», сорт, видимо, такой. Один сгрызешь, второй не захочешь.

Если это прозывается прогрессом, то еще вопрос: лучше ли от него стало не человечеству — человеку? Не волнуйтесь, я себя прекрасно слышу и отлично сознаю, что говорю и думаю. А для большей ясности повторю: не надо наши огрехи сваливать на прогресс. Он не виноват, что, работая хуже, мы требуем себе больше. Вот почему смею утверждать: дело не в бубликах, не в фанте, которая умудрилась вытеснить русский квас, не в экстраенсах, которым мы хотим верить больше, чем участковому врачу, не в лимитчиках, коим от Москвы, кроме прописки, ничего не надо. Дело в нас самих и в нашей жизни. А вьетнамская мазь, гипнотизеры, виски, ислам, диссиденты и стриптиз — система опознавательных знаков, указывающих на время и проблемы, хорошо знакомые всем.

Читатель привык к целомудренной исповеди В. Белова, а открыл «Всё впереди» и услышал голос городского глашатая: «Мировое зло прячется в искусственно созданных противопоставлениях. Экономических, культурных, национальных. Принцип «разделяй и властвуй» действует безотказно. Он незаменим не только относительно людей, но и относительно времени. Даже время мы разделили на прошлое и будущее!»

Резкий голос писателя понравился далеко не всем. Но факт остается фактом: произведение, согласен, в художественном отношении отнюдь не первоклассное, тем не менее получило широкий отклик — какой напрашивается вывод? Только один: произведение это отвечает на какие-то общественные запросы. О чем в таком случае следует говорить: о чувстве неловкости, когда узнаешь, например, что Москва представляется Медведеву «одним сгустком человеческой плоти, непрестанно и пеустанно поглощающим пинцу, содрогающимся в конвульсиях, испражняющимся и кровоточащим сгустком!», или о прозаической действительности, в которой сами живем? Можно двумя пальчиками манерно зажать носик и процедить сквозь зубы: «Фи, как дурно пахнет». Только от этого запах не уменьшится!

Я еще могу согласиться с мыслью И. Золотусского, что «тут тенденция преобладает над изображением, чувства — над мыслью». Вот и давайте говорить о тенденции, а не о пейзаже, изображающем, на наш взгляд, что-то явно не то: «Читаешь роман и удивляешься: где радуга... где игра света, где напев, где поэзия?»

С другой стороны, верно ли, что чувства преобладают над мыслью? Не возьму в толк: вроде бы мы можем воспринять, например, что деревня и город — это сообщающиеся сосуды. В состоянии даже сделать вывод, что судьбу крестьянства долгие годы решала не сама деревня, а город. Но не в силах разобраться, где были наши мысли, когда в азарте бюрократического администрирования выводилась формула: «люди существуют для планов и посевных площадей».

Нет литературы «деревенской» и «городской», но проблемы села и города имеют все же свою специфику. Есть она и у проблем окраины большого города и районного центра. Подобный образ мысли мы уже начинаем почитать за естественный. Правда, кроме специфических проблем, случаются еще и всенародные беды, равно затрагивающие мужчин и женщин, взрослых и детей, все социальные слои, общество в целом.

Вовсе не обязательно такой бедой сегодня оказывается война. Ежедневная информация из Чернобыля и «процесс о хлопке», горечь новороссийской трагедии и «ростовское дело», бой за северные и сибирские реки и продолжающаяся борьба за Байкал, Ладогу и Арал — лишь малая толика фактов, подтверждающих слова И. Васильева «жизнь такая пошла», сказанные им в беседе с корреспондентом «Литературной газеты», «кругом пожар».

Руководитель, чье кредо всеми силами прежде всего избежать неприятностей.

Правда, с необыкновенной легкостью объявляемая клеветой.

Донос, рядящийся в тогу справедливости.

Месть за критику, принимающая самые немыслимые формы.

Бездельник и цеумеха, повышаемый по службе, дабы избавиться от него.

Дома в Москве, которые почему-то, скажем, в Орехово-Борисове имеют один социальный состав жильцов, а в Кун-

певе — совсем другой, отчего в одном доме обычно не живут бок о бок академик и рабочий.

Распространенное явление, которое вслух назвал А. Гельман: «Когда собака зарыта справа, а копают слева».

Каждое в отдельности — лазейка там, где ее вроде и быть не должно. Все вместе — было бы социальной и политической близорукостью не замечать этой, уже общей беды.

Мне трудно судить, возможно, И. Золотусский искренно считает, что только «Белову противен звук японской радиоаппаратуры, который выносится из московских окон. ему не по душе бульдоги, которые гуляют по бульварам со своими хозяевами. Он против аббревиатур, претив абортот, против флирта, разводов...» Я не хочу думать, что сам И. Золотусский за абортот, за флирт, разводы. И дипамик, выставленный на соседский подоконник в часы, когда критик садится за письменный стол, вряд ли приводит его в восторг.

Литература всегда была, есть и будет полем и оружием борьбы идей. Известное утверждение давно стало банальным, и я упоминаю его лишь затем, что, когда писатель говорит серьезно, выстраданно, то от критика хотелось бы большей глубины понимания не аббревиатур, а идей, какими одержим автор. Потому как, если рассуждать о деталях, нафос критических выступлений можно свести к известной миниатюре, разыгрываемой на эстраде Карцевым и Ильченко: «Ты говоришь — один. Я отвечаю — два... Один... Два... Дискуссия». Подобная практика все-таки бытует.

В финале «Бриш каждую неделю шатается по Колпачному переулку» и «вся Москва знает об этом». Что за этим стоит — непосвященному читателю вряд ли догадаться, — озабоченно выговаривает О. Кучкина.

«Бриш забирает у Медведева жепу, сына и дочь и в конце романа хочет всех их увезти за границу, для чего навевывается в Колпачный переулок, где, как известно, выдается визы желающим покинуть нашу страну», — раскрывает карты посвященный читатель И. Золотусский. Два критика — два представления об уровне познаний читателя. В одном случае Колпачный переулок будто бы для читателя тайна за семью печатями, в другом — знак всем известного явления. Дискуссия.

Мне представляется: попытка понять корни категорического неприятия писателем всего бездумно подражательного,

внеационального, откровенно безнравственного, наглого в своей основе убеждения, будто прав тот, у кого больше прав, даст для понимания романа куда больше констатации факта, что «Белову не правятся некоторые из особенностей новейшей цивилизации». Важно разобраться: что здесь — субъективное нарушение чувства меры и вкуса или объективное расхождение нравственных критериев и мотивов, какими мы руководствуемся в жизни?

Высота нравственных требований в той или иной мере постоянно фигурировала в рассуждениях всех критиков. Иванов — отмечалось — человек мужественный, готовый пожертвовать ради детей Медведева своим самолюбием. «Медведев, — писали, — часть народа, того самого народа... который создает светлое, а не черное будущее». Их драматические судьбы складываются в повествование о предназначении человека всегда и во всем оставаться человеком нравственным.

В романе им противостоит Бриш — натура подлая, ничная, убежденная в силе безнравственности. Кто бы ни писал о нем — определение следовало одно: мещанин. Сколько споров в прозе, публицистике, критике организовывалось уже на тему мещанства — не счастье. Поговорят-поговорят обычно и... делают перерыв до следующего разговора. На сей раз тоже без затей: мещанин, «злостный антигерой Бриш», он же «бес», торжествует над «естественными людьми» Медведевым и Ивановым. И все в этой трактовке верно, если ставить акцент на мещанстве. Но единственный ли это внутренний узел, который таит в себе болезненные явления в сложившихся исторических обстоятельствах, каким посвящен роман В. Белова? Справедливо ведь и другое: Бриш и Медведев с Ивановым — люди, как я понимаю, разных национальностей, традиций, устоев.

В романе «Всё впереди» есть еще одна тема, которую, кажется, счел нужным заметить каждый из критиков. В разных интерпретациях она звучала вроде бы по-разному, но как-то одинаково по-французски: ищите женщину... Другими словами, виновата у писателя только она — развратница и «курица». В. Белов не первый, для кого мысль о женщине столь же серьезна, сколь мучительна. Его национальное мироощущение никак не может согласиться с тем, что русская женщина перестает мечтать о детях, пи-

тает какую-то особую неприязнь к званию домашней хозяйки и, забыв, что такое стыд и пенинность, бывает «просто неподражаема: «Миленький, ну что ты сердиться? Я же все равно твоя. В конце-то концов, что от меня — убудет?»

Какие-то суждения писателя критики находят справедливыми, иные — считают архаичными. Вот рассуждают о том, что Медведев, мучимый подозрением, что жена его смотрела в Париже порнографический фильм, формулирует ошарашивающий афоризм: «Нереализованная возможность женской неверности была, по его мнению, равносильна самой неверности». Как ни странно, но на чужом афоризме свои рассуждения и заканчиваются. Надо думать: всё всем ясно. Ясно ли? Может статься, кто-то к случаю вспомнит еще и М. Екан: «Каждый совершенный героический поступок и каждый несовершенный был делом женщины». «Зациклился» мир на женщине, и все тут. Однако, если мы понимаем, что восстает в Белове именно его национальное мироощущение, должны мы в конце концов признать: отношение к женщине, к ее достоинствам и недостаткам — фактор определенной культуры. Не уровня культуры, а конкретно той или иной культуры.

Женщина, у которой табачный дым перемешан с запахом импортных духов, не просто вызывает протест, она для Белова не вписывается в ту культуру, которую он представляет, на которой воспитан. Зайти вечером в гостиничный номер к знакомому мужчине, проговорить с ним допоздна — по канонам одной культуры даже не событие, по оценке другой — явный нонсенс, не норма. Пойти на порнографический фильм, чтобы составить собственное мнение о том, о чем пишет наша пропаганда, — для женщины, современной, разбирающейся в вопросах политики, идеологии, морали, науки и искусства, — ничего предосудительного, с точки зрения одной культуры, и грех — с позиций другой.

Обвиняем В. Белова, а за ним традиции вековой культуры. Спорим с ним, а за нами ростки новой культуры, из которых еще неизвестно что вырастет. В «контакт» вступают культуры, а мы комментируем строки из романа про голые коленки да укоротившиеся сарафаны и на том свое исследование жизни заканчиваем. Глубоко копаем! Много ли накопаем?